

Во имя общего блага

Лучше, чем Теодор Рузвельт, не выразишься: «Нам многое дано, но многое от нас по праву и спросится».

Почти полное уничтожение бизонов в конце XIX в. стало трубным гласом для Теодора Рузвельта, обратившегося к сохранению природы. Среди многих его достижений на посту президента была и организация предшественников сегодняшних национальных заповедников для диких животных, где теперь процветает немало бизонов

Шестого сентября 1901 г. анархист Леон Чолгош стрелял в президента Уильяма Маккинли, когда тот посетил всеамериканскую выставку в Баффало, Нью-Йорк. Неделей позже президент скончался от ран, и вице-президент Теодор Рузвельт был приведён к присяге в качестве двадцать шестого президента нации. Из-за этих трагических событий курс истории Америки изменился. А с точки зрения сохранения природы Северной Америки, курс этот изменился безвозвратно.

В области естественной истории Теодор Рузвельт был, без всяких вопросов, самым знающим из всех американских президентов (за возможным исключением Томаса Джефферсона). А что касается осуществления политики сохранения дикой природы, он, несомненно, – самый выдающийся из них.

Его президентский срок знаменовал коренной поворотный пункт для судьбы дикой природы Северной Америки, когда начался поистине крестовый поход во имя этой дикой жизни, оказавшийся настолько же примечательным, насколько и неожиданным. Он стал вехой перехода от эры бессмысленного уничтожения к эпохе сохранения и восстановления – жизненно важным философским и прагматическим подходом, примечательным не только своей новизной и мудростью, но и своим мощным воздействием и непрекращаемым авторитетом на долгие времена. Внедрение такого подхода отметило один из повторяющихся триумфов истории: воздействие выдающейся личности на ход переломных эпох.

Охотник, натуралист и учёный, Рузвельт превратил заботу о дикой природе в респектабельную тему для политической элиты и политических повесток дня. Причём он сделал это так, чтобы подчеркнуть позицию необходимости преодоления эгоистического начала как существенный аспект для роста благосостояния нации, восприятия общественного сознания как механизма, обеспечивающего достижение того, что использование природных ресурсов становится делом внимания и заботы со стороны социума.

И такой подход, прежде всего, стал его величайшим достижением. И, хотя среди писателей и историков принято особо выделять его чёткую политику и законодательство по отношению к дикой природе, но всё же именно культурный сдвиг, который он произвёл в политическом мышлении и общественном сознании по поводу её сохранения, обладает неиссякаемым потенциалом для дальнейшего совершенствования и прогресса. И по этой причине возникшая забота о дикой жизни, прежде всего проявляемая охотниками и рыбаками по всей территории США и Канады, может теперь реализовываться в законодательстве и политических дискуссиях, выковывая цепь событий, соединяющую местные низовые движения и ежедневные заботы о природе в коридорах власти.

Именно так и произошла демократизация природоохранной деятельности, причём столь быстро, что она напоминает революцию в мышлении, и столь стремительно внося инновации в законодательство и практику, как это только можно себе представить. Охотники (и другие натуралисты) вывели дебаты на уровень своих сообществ, и самый выдающийся гражданин-охотник Америки, президент Рузвельт, сделал сохранение природных ресурсов национальным и международным приоритетом. Он отчётливо видел, что общее благо всех американцев неотъемлемо связано с использованием нацией своих природных богатств.

Его достижения в защите природного величия Америки и возобновляемых ресурсов флоры и фауны оказали заметное влияние на душу американского народа, и таким образом, несомненно, укрепили уверенность нации в себе и своих возможностях. Как ясно показала история, редко когда потенциал демократии, подходящий для всех граждан, был столь точно определён, или столь эффективно востребован одним-единственным политическим лидером. И нам остаётся только недоумевать: где же они, современные наши Рузвельты?

Разумеется, во всех аспектах демократии общественное благо извлекается в результате действий индивидуума таким образом, что он принимает во внимание благосостояние государства и всякие приятности, долженствующие причитаться всем гражданам, в том числе – даже и грядущим поколениям. В своём стремлении к охране природы Рузвельт и сам дал нам пример, которому надлежит следовать всем нам – охотникам и тем, кто не имеет отношения к охоте, предприняв такие дальновидные действия, что они и сегодня ещё продолжают работать во благо всех американских граждан. Во время

своего президентства (1901–1909 гг.) он увеличил площадь национальных охраняемых лесов приблизительно на 150 млн акров, создал пять национальных парков и определил 18 национальных исторических памятников, основал 51 заказник для пернатых и четыре охотничьих заповедника по всей стране.

Но даже эти невероятные дары – наследство бесценного богатства, предоставленное нации на все времена – не охватывают полностью всех достижений Теодора Рузвельта в области сохранения природы. В 1887 г. он сыграл большую роль в создании влиятельного Клуба Буна и Крокетта, а в 1908 г. организовал самую первую природоохранную конференцию, собрав в Вашингтоне губернаторов штатов и руководство организаций и обществ, заинтересованных в обеспечении существования диких зверей. Впервые в истории Северной Америки, а может быть, и мира было организованы национальные слушания, где на повестку дня были выдвинуты вопросы не эксплуатации, а сохранения природных ресурсов. На этой конференции была создана «Клятва защитника» – короткий гимн, воспевающий природную красоту и богатство ландшафта Америки и призывающий граждан к его защите. Эта доктрина была также распространена и в школах, и в правительственных структурах по всем Соединённым Штатам.

Таким образом, устами высшей власти был объявлен приоритет сохранения дикой природы и призыв к людям взять на себя обязанности её хранителей и защитников. Разумеется, Рузвельт обращался не только к охотникам, но и ко всем членам общества. С его точки зрения, дикая природа должна была быть взята под защиту легионов неравнодушных – целой армии мужчин и женщин, которые оказывали бы сопротивление попыткам нанести ущерб дикой природе и сохраняли бы её. Он постарался надёжно заложить в общественное сознание Америки положение о том, что дикая природа важна и значима в самой существенной степени для будущего нации.

Он пошёл и дальше, всячески пропагандируя мысль о разумном использовании ресурсов дикой природы, предполагая, что тот, кто больше всего занимается их эксплуатацией, должен обеспечить и своё максимальное участие в их сохранении. Для обеспечения будущего дикой природы требовалось широкое общенародное движение, и к нему должны были присоединиться представители всех слоёв, классов и профессий.

Но здесь следует ясно заявить: охотники и рыбаки должны были возглавить это движение. И их неспособность совершить это означала бы провал всей нации, провал самой демократии: те, кто могли

бы сделать больше, потерпели бы крах, а те, кто не были бы способны на это, безвинно пострадали бы. Какое же ещё большее унижение для принципа «максимального блага для максимального количества людей» можно было бы себе представить?

Таков был подход, отражённый практически в сочинениях Альдо Леопольда, ещё одного охотника-гражданина, который имел длительное воздействие на природоохранное движение. Земельная этика Леопольда была сама по себе стремлением к демократическому взаимодействию с миром природы и призывом к демократическому протесту против его утраты. И он, и Рузвельт разделяли одно общее дело; оба они рассматривали охотников как лиц, имеющих прямую и всецелую

ответственность за сохранность дикой природы. Как же ещё иначе могли они воспринимать ситуацию? Оба они – заядлые охотники. Оба они сформировали свои философские позиции в ходе своего взаимодействия с дикой природой, как физического – через животных, на которых они охотились, так и интеллектуального, – через те истины, что им удалось постичь.

Истины о человеке и его месте в природе немало значили для этих людей, равно как и для всех охотников, обладающих природным чутьём. Как неоднократно говаривал Рузвельт, настоящий охотник любит всех диких созданий, понимает значение дикой природы и решительно выступает против их утраты. И сегодня мы, охотники, вновь призваны возвысить свой голос.

Все охотники заявляют о своей глубокой и неизменной любви к природе. Действительно, они внесли неоценимый вклад в защиту и сбережение дикой природы на североамериканском континенте. И всё же нам надо сделать ещё больше. Именно охотники должны ясно сформулировать историю движения за разумное использование природных богатств и североамериканского природоохранного наследия. Именно они обязаны выдвинуть для самого широкого публичного обсуждения вопрос, почему охота столь значима, максимально внятно обосновав его, а также почему она столь значительно влияет на природоохранные идеалы общества и гражданскую ответственность, и почему охота, по этим и многим другим причинам, продолжает соответствовать современной жизни.

Мы должны демонстрировать, максимально широко выдвигая понятие «охотник-натуралист», историческое законоположение «охотника-гражданина», то есть

того, кто работает на всеобщее благо, сохраняя всё то, что есть хорошего в этом мире. Для нас, охранителей природы, всё лучшее в мире заключается в дикой природе, в сердцах и разуме тех, кто посвятил себя её защите.

Нам следует предпринимать шаги для расширения круга наших сторонников, чтобы обеспечить информированность общества и вовлечь его в битву за возобновляемые ресурсы мира. Нам не добиться этого ни заклинаниями о наших правах, ни попытками очернить тех, кто не согласен с охотой, но кто, возможно, в действительности верит в сохранение природы так же истово, как и мы.

Но мы сможем достичь этой цели нашим личным примером, показывая то, что как охотники мы по-настоящему заботимся о природе, что мы верим в необходимость сохранения любой жизни и действуем во имя достижения этой цели. Мы должны продемонстрировать, что мы занимаемся сохранением диких животных и дикой природы для сегодняшних и завтрашних граждан – и не только ради соблюдения наших традиций, но ради общих традиций, существующих вокруг наслаждения естественным миром природы.

Вот в этом и заключается демократизм природоохранной деятельности, вот так и должны звучать речи каждого гражданина-охотника. Нас – миллионы. Так пусть же это будут миллионы преданных делу людей. Давайте поставим вопрос сохранения дикой природы во главу угла на публичных дебатах и слушаниях, и не только из эгоистических соображений, но и в наших общих интересах. Почтим же память Рузвельта; давайте провозгласим нашу приверженность предвидениям Леопольда. Докажем, что охота – она во имя общественного блага.

Шейн Махони

Родившийся и выросший на Ньюфаундленде Шейн Махони – биолог, писатель, охотник, рыбак, лектор с международной известностью по проблемам окружающей среды и сохранности биоресурсов. Он также работает экспертом в организации «Норт Америкен Консервейшн Модел», занимающейся охраной дикой природы Северной Америки.